

ФИНАНСОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ДОМОХОЗЯЙСТВА: БЕДНОСТЬ И ПРОЖИТОЧНЫЙ УРОВЕНЬ

*В.И. МИЛЕТА, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и менеджмента, Кубанский государственный университет
e-mail: v.i.mileta@gmail.com*

Аннотация

В статье исследуется понятие бедности в контексте финансовой безопасности домохозяйства. Рассматривается методический инструментарий оценки уровня бедности личности и домохозяйства. Проведен анализ пороговых показателей бедности, величины прожиточного минимума в России. Предложен авторский подход по определению порога бедности и оценке ее уровня на основе двухкритериальной модели.

Ключевые слова: финансовая безопасность личности и домашних хозяйств, бедность, прожиточный уровень, потребительская корзина, индикаторы бедности.

DOI: 10.31429/2224042X_2023_69_64

Современный этап развития российской экономики характеризуется обострением проблем обеспечения экономической безопасности домохозяйства и ее главной составляющей — финансовой безопасности. Это вызвано ростом степени неопределенности вследствие существенного усиления внешних и внутренних дестабилизирующих факторов. При этом состояние безопасности личности, домохозяйств является главным конечным критерием решения задач национальной безопасности во всех ее видах, формах, на всех уровнях. Поэтому поиск эффективных решений указанных проблем приобретает особую значимость. Для этого важно прийти к четкому пониманию сущности и структуры феномена финансовой безопасности личности, домашнего хозяйства. Важно также исследовать диалектику финансовой безопасности и бедности. Следует заметить, что успешность решения задач обеспечения финансовой безопасности населения характеризуется не долей богатых, а уровнем бедности в стране.

По нашему мнению, финансовая безопасность личности (домохозяйства) есть характеристика качества внешних и внутренних экономических отношений, складывающихся между экономическими субъектами (отдельными личностями и их группами) в процессе формирования, распределения и использования фондов денежных средств домохозяйства. Именно характер, формы и результаты реализации указанных отношений и формируют определенный уровень финансовой безопасности домохозяйства. Отсюда, финансовая безопасность домашнего хозяйства — это такое состояние его финансов, при котором оно способно обеспечивать удовлетворение растущих материальных и социально-культурных потребностей всех его членов на рациональном уровне, независимо от динамики внешней социально-экономической среды.

Понятие финансовой безопасности в условиях рыночной экономики диалектически связано с понятиями богатства и бедности. Известен широкий спектр точек зрения на проблему разграничения богатства и бедности. Но основной подход опирается на существующие концепции бедности и модели оценки ее уровня. Признано, что бедность как явление связана с уровнем социально-экономического развития государства и характером экономических отношений при производстве, распределении, обмене и потреблении материальных и духовных благ. В этой связи проблема бедности часто рассматривается в контексте проблемы неравенства. В России сегодня наблюдается высокий уровень дифференциации денежных доходов населения — богатства и бедности (рис. 1).

В 2014—2021 гг. минимальные доходы 10 % наиболее обеспеченной части населения

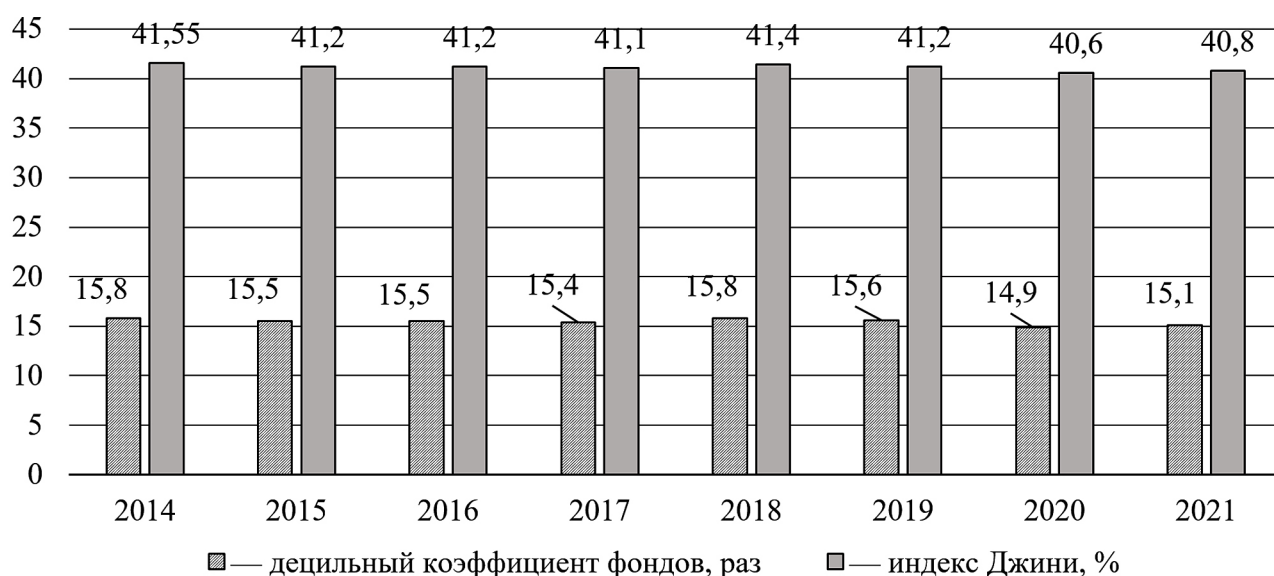

Рис. 1. Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения России в 2014—2021 гг. (составлен автором по данным [8])

России в среднем в более чем в 15 раз превышали максимальные доходы 10 % наименее обеспеченной части населения при пороговом значении, рекомендуемом Центром финансово-банковских исследований ИЭ РАН, равном семи [6]. Индекс Джини в течение всего анализируемого периода не опускался ниже 40,6 %, что относит Россию к странам с высокой степенью неравенства. Существенное неравенство в распределении денежных доходов является серьезным фактором, подрывающим финансовую безопасность домохозяйств и генерирующим бедность в России. Обеспечение устойчивых темпов сокращения бедности в условиях экономического спада делает особо актуальной проблему сокращения неравенства и более равномерного распределения доходов.

Понятие бедности весьма многогранно. Оно не ограничено рамками материального благосостояния, оно охватывает всю совокупность условий социально-экономической безопасности жизни домохозяйства. Однако следует заметить, что в условиях рыночных отношений доступность материальных и духовных благ, возможность полноценной жизни определяется прежде всего объемом денежных средств, находящихся в распоряжении домохозяйства. Отсутствие или хроническая недостаточность финансовых ресурсов

создает предпосылки для развития бедности. Поэтому бедность в данном контексте характеризует финансовое состояние домохозяйства, при котором отсутствует возможность удовлетворения на общественно необходимом уровне потребностей его членов в материальных и духовных благах в силу ограниченности финансовых ресурсов. Бедность в монетарном аспекте представляет собой кризисный уровень финансового состояния, следовательно, и финансовой безопасности домохозяйства. Необходимо отметить тот факт, что известные методики оценки бедности и ее глубины опираются на монетарные показатели-индикаторы. При этом неважно, какая именно концепция положена в их основу — однокритериальная или многокритериальная. Например, в индексе многокритериальной бедности *AROPE*, применяемом в странах ЕС, два из трех критериев имеют монетарный характер и оценивают величину дохода (риск относительной доходной бедности) и его достаточность (наличие существенных материальных деприваций) для ведения нормального образа жизни [2].

В соответствии с решением Экономического и социального совета ООН от 19 декабря 1984 г., к бедным относятся лица, семьи, группы лиц, ресурсы которых являются столь ограниченными, что не позволяют вести ми-

нимально приемлемый образ жизни в государствах, в которых они живут [5]. В данном случае речь идет о так называемой объективной бедности, которая предполагает наличие более или менее четкого понимания границы между бедностью и не бедностью. В отличие от объективной, субъективная бедность базируется на мнении, что сам индивид может определить, беден ли он или нет.

В зависимости от способа выявления и оценки принято различать абсолютную и относительную бедность. Абсолютная бедность выявляется посредством сопоставления фактического душевого дохода с установленным минимальным уровнем дохода — прожиточным минимумом. Относительная бедность характеризуется уровнем — чертой бедности, ниже которого люди считаются бедными. Этот концептуальный подход отражен в заявлении Европейского совета, где отмечено, что лица считаются бедными, если их доход и ресурсы являются настолько ограниченными, что не позволяют им поддерживать уровень жизни, приемлемый в том сообществе, членами которого они являются, в котором они проживают [2]. Исходя из этого формируется показатель, используемый Европейской комиссией для оценки уровня бедности. Он характеризует долю лиц, проживающих в домашних хозяйствах с эквивалентными располагаемыми доходами, составляющими менее 60% национальной медианной величины располагаемых доходов [2]. Указанный подход реализован также и в статистике стран ОЭСР. В этих странах пороговым значением бедности принят уровень 50—60 % национального медианного значения эквивалентного располагаемого дохода населения [2].

Начиная с середины 1990-х гг. и до конца 2021 г. в Российской Федерации оценивалась абсолютная бедность. Применялась модель, основанная на прожиточном минимуме, равном стоимости минимальной потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения (трудоспособное население, пенсионеры, дети) в целом по РФ [10]. Корзина представляет собой минимальный набор продуктов

питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности. Стоимость непродовольственных товаров и услуг установлена на уровне 50 % от стоимости продуктов питания для всех групп населения.

Как свидетельствуют данные Росстата, в течение 2014—2021 гг. номинальный прожиточный минимум, определяемый по указанной методике, в целом по России вырос на 44,8 % и достиг 11 653 р. в месяц (рис. 2). При этом в течение всего периода среднедушевой номинальный и располагаемый доходы существенно превосходили прожиточный минимум и на протяжении последних четырех лет разрыв увеличивался.

Несмотря на недостатки, связанные с обоснованностью состава и стоимости потребительской корзины, модель, основанная на ней, была общепринятой. Ожидалось, что дальнейшие реформы будут идти в русле данного концептуального подхода, тем более, что в его развитие в начале декабря 2019 г. в Государственную Думу был внесен законопроект «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» [1], который предполагал увеличение стоимости «потребительской корзины», совершенствование ее состава путем включения в нее новых продуктов и услуг. Однако в конце 2021 г. был принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2020 № 473-ФЗ [9], который кардинально изменил модель установления величины прожиточного минимума и минимального размера оплаты труда.

С начала 2022 г., произошел переход от концепции абсолютной бедности к концепции относительной бедности. В соответствии с данным законом начиная с 1 января 2022 г. прожиточный минимум (черта бедности) определяется не по стоимости потребительской корзины, а «по медианному доходу», рассчитываемому Росстатом [1]. Соотношение величины прожиточного минимума на душу населения в целом по Российской Федерации и величины медианного среднеду-

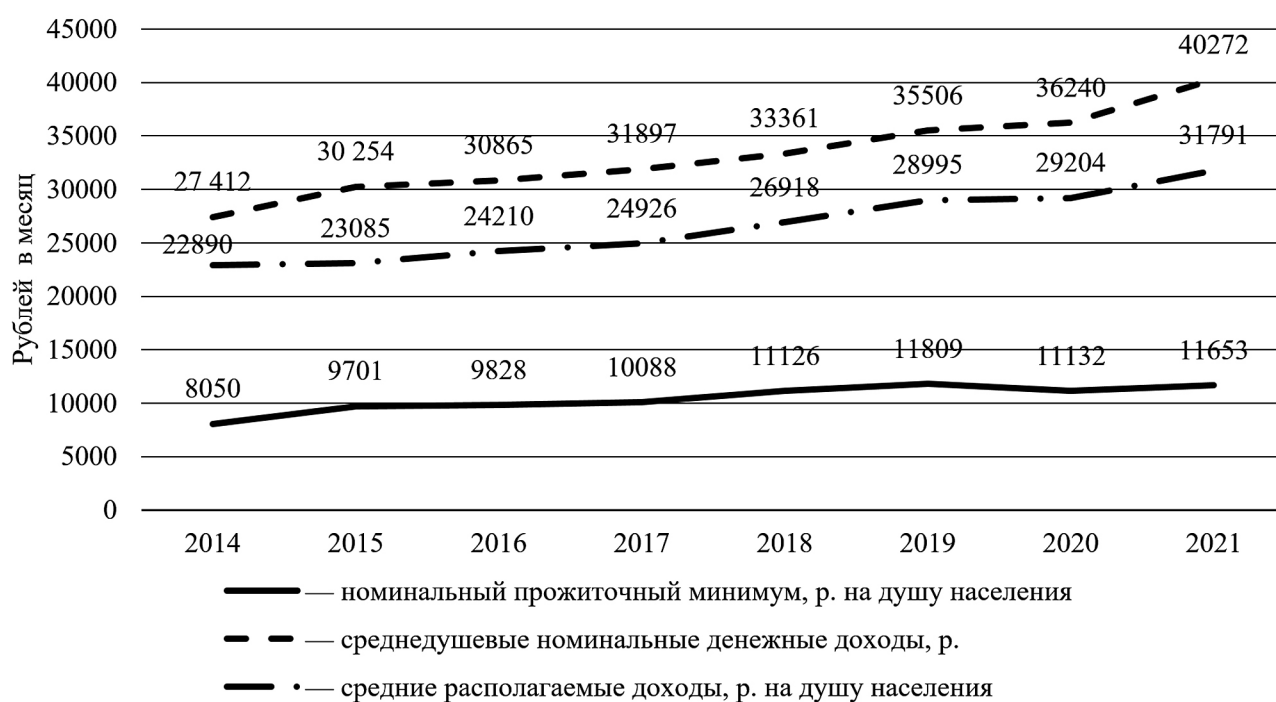

Рис. 2. Динамика доходов и прожиточного минимума в России в 2014—2021 гг. (составлен автором по данным [8])

шевого дохода за предыдущий год с 2021 г. установлено в размере 44,2 %. Прожиточный минимум устанавливается на год, а не ежеквартально, как было ранее.

На рис. 3 представлена динамика прожиточного минимума в условиях перехода на новую модель его оценки. Его данные свидетельствуют, что в целом по России прожиточный уровень в 2021 г. составлял 11 653 р., в течение 2022 г. он сначала вырос до 12 654 р., а затем до уровня 13 919 р. Общий прирост в 2022 г. составил 9,44 % к уровню 2021 г. С начала 2023 г. прожиточный минимум был еще увеличен на 3,28 % и достиг 14 375 р. Таким образом, в целом по России граница бедности, установленная с начала 2023 г., превысила уровень 2021 г. на 23,36 %.

При переходе на новую методику в регионах России также наблюдалось повышение границы бедности по сравнению с уровнем 2021 г., но с существенной вариацией. Наибольшее ее повышение — на 19,4 %, произошло в Чукотском автономном округе. Наименьший прирост прожиточного минимума к уровню 2021 г. наблюдается в Москве — на 3,8 %, в Костромской области и Хабаровском крае — на 4,0 %, в Еврейской автономной об-

ласти — на 4,07 %. Максимальный уровень границы бедности был установлен в Чукотском автономном округе — 28 851 р., а минимальный — в Липецкой области — 10 503 р. В целом при переходе к новой методике величина прожиточного минимума по всем регионам выросла в среднем на 7,95 %. В то же время вариация значений прожиточного уровня составила 24,4 % (в 2021 г. — 24,6 %). Последнее говорит о сохранении существенной межрегиональной дифференциации границы бедности вследствие значительного различия в уровне регионального среднедушевого и медианного доходов.

В 2016—2021 гг. — в период применения прежней модели черты бедности, численность граждан с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума сократилась с 19,6 до 10,9 млн чел., а их доля соответственно с 13,4 до 10,9 % (см. таблицу). Численность тех, кто жил на доходы менее 10 дол. с учетом паритета покупательной способности, за период 2014—2021 гг. снизилась не столь значительно и составила в 2021 г. 6,9 млн чел., или 4,7 % населения России. Обращает на себя внимание факт, что в 2022 г., в условиях применения новой методики, доля

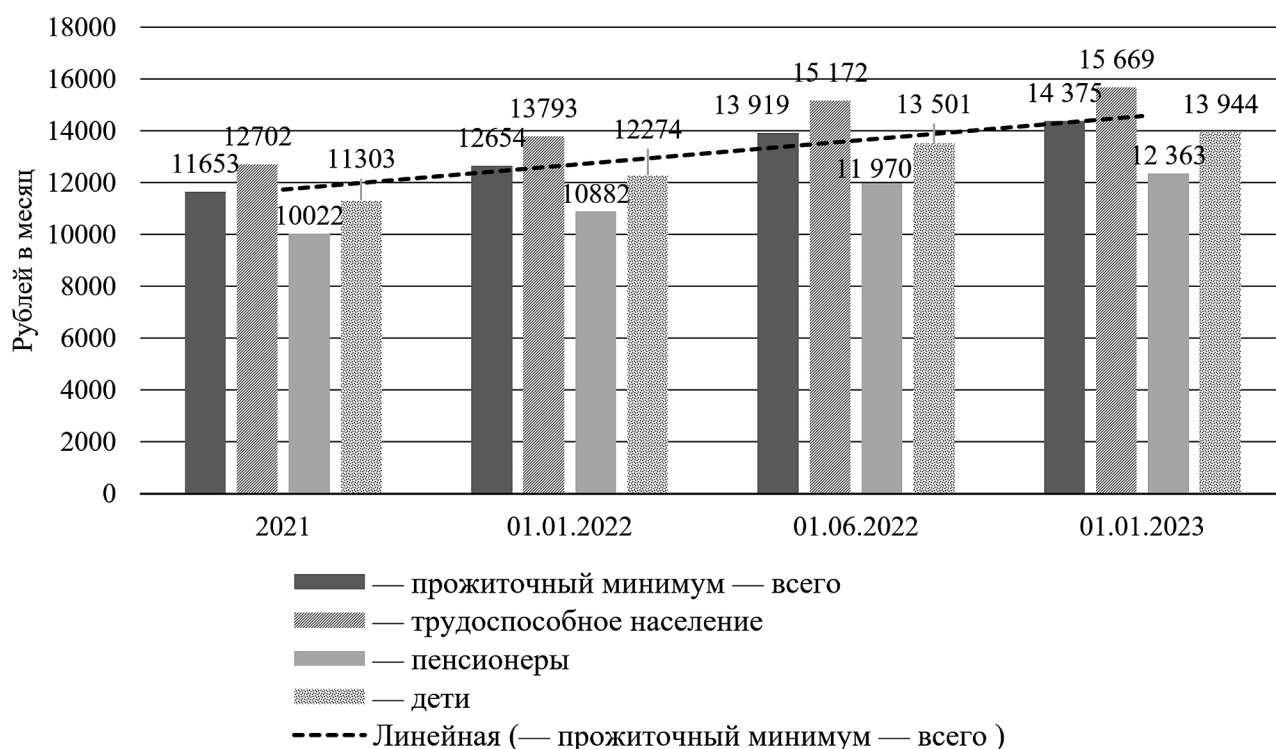

Рис. 3. Динамика прожиточного уровня в России в 2021—2023 гг. (составлен автором по данным [8])

населения с денежными доходами ниже черты бедности увеличилась и достигла 11,8 %.

Из таблицы видно, что показатель доли бедного населения на протяжении всего рассматриваемого периода, в том числе и после смены модели оценки бедности, превышал пороговые 7—8 %, рекомендуемые Институтом экономики РАН [6], что говорит о том, что проблема бедности в России остается острой.

Первые результаты применения новой мо-

дели показывают, что в целом переход к ней стал шагом в сторону более адекватной оценки уровня бедности. Медианный доход — это доход находящихся в середине распределения среднедушевых доходов домохозяйств. Как правило, средний доход выше медианного дохода. Причем при росте неравенства происходит отставание медианного дохода от среднего душевого дохода вследствие роста значений доходов богатой части домохозяйств. В этой ситуации оценка на основе

Динамика численности и доли населения России, имеющего доходы ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) (составлена автором по данным [8])

Год	Население с денежными доходами ниже границы бедности		Население с денежными доходами менее 10 дол. в день с учетом ППС	
	Млн чел.	% от общей численности населения	Млн чел.	% от общей численности населения
2014	16,3	11,3	11,2	7,8
2015	19,6	13,4	11,4	7,8
2016	19,4	13,2	11,7	8,0
2017	18,9	12,9	10,4	7,1
2018	18,4	12,5	10,3	7,0
2019	18,0	12,3	8,7	5,9
2020	17,7	12,1	7,2	4,9
2021	16,1	10,9	6,9	4,7
2022	17,2	11,8	Нет данных	Нет данных

среднедушевого дохода создает ложное впечатление более высокого общего уровня доходов, даже если это не так.

Некоторый пессимизм по поводу резкой смены методики [4], по нашему мнению, пока не оправдался. Однако указанный шаг, к сожалению, не решил полностью проблему повышения объективности оценки уровня бедности. Так, пороговое значение 44,2 % к среднедушевому медианному доходу, установленное в качестве законодательно закреплённой нормы, не подкреплено какими-либо научными обоснованиями или положительными практиками. Возможно, оно получено делением текущих значений «старого» прожиточного минимума и медианного дохода [4]. Как свидетельствует опыт, относительный порог бедности, выраженный в процентах от национального медианного дохода, в основном используется в странах, имеющих развитую экономику и устойчивые темпы ее роста, а также относительно невысокий уровень неравенства в доходах [5]. Эксперты справедливо замечают, что если порог бедности поднять до применяемого в странах Европы уровня, то четвертая часть населения России будет «относиться к категории бедных» [3, с. 149]. Е.Д. Слободенюк, В.А. Аникина в своем исследовании обосновали, что наличие доходов менее 0,75 медианы доходного распределения, делает риски обеднения личности достаточно высокими (превышают 10 %), а наличие доходов менее 0,5 медианы — указывает на неоспоримую и особенно глубокую бедность [7].

Как было отмечено, медианный доход в существенной степени связан с неравенством доходов. Коэффициент корреляции медианного дохода домохозяйства с коэффициентом Джини, как показывают результаты исследования эмпирических данных, равен $-0,59$ [11]. В условиях кризисных явлений в экономике и связанного с ним углубления неравенства доходов снижение медианного дохода, к которому установлен долевым индикатор бедности, может привести к значительному снижению показателя прожиточного минимума. Хотя законодательно установлено, что абсолют-

ная величина прожиточного уровня не может уменьшаться по отношению к предыдущему году. Однако в условиях указанных явлений и относительно высокой инфляции (в 2022 г. она составила 11,94 %) в реальном исчислении прожиточный минимум может быть недостаточен для поддержания даже минимально приемлемого образа жизни. Этого недостатка лишена стоимость потребительской корзины, которая при релевантной методике определения ее реальной стоимости учитывает структуру потребления и индекс цен на потребительские товары и услуги, входящие в нее. Поэтому целесообразно полностью не отказываться от использования стоимости потребительской корзины при оценке прожиточного минимума, а применять ее на постоянной основе совместно с порогом бедности, рассчитываемым на базе медианного дохода.

Еще один вопрос — использование для оценки бедности среднего общего дохода, а не располагаемого дохода. Использование среднего общего денежного душевого дохода существенно снижает объективность оценки, поскольку указанный доход не является источником для конечного потребления товаров, услуг и сбережений домашнего хозяйства. Средние номинальные душевые доходы превышают доход и ресурсы, находящиеся в распоряжении членов домохозяйства, используемые ими для поддержания приемлемого уровня жизни (рис. 4).

Анализ динамики показателей свидетельствует о росте разрыва между номинальным и располагаемым доходом, что увеличивает погрешность в ходе оценки бедности. Так, если в 2018 г. в России средний общий доход на душу населения превышал располагаемый доход на одного члена домохозяйства на 15,2 %, то в 2021 г. разрыв составил 24,6 %.

Как показали исследования, результаты которых отражены в данной статье, проблема бедности неразрывно связана с обеспечением финансовой безопасности домохозяйств в России. Бедность является следствием существенного ухудшения финансового состояния домохозяйства, она характеризует кризисный уровень финансовой безопасности.

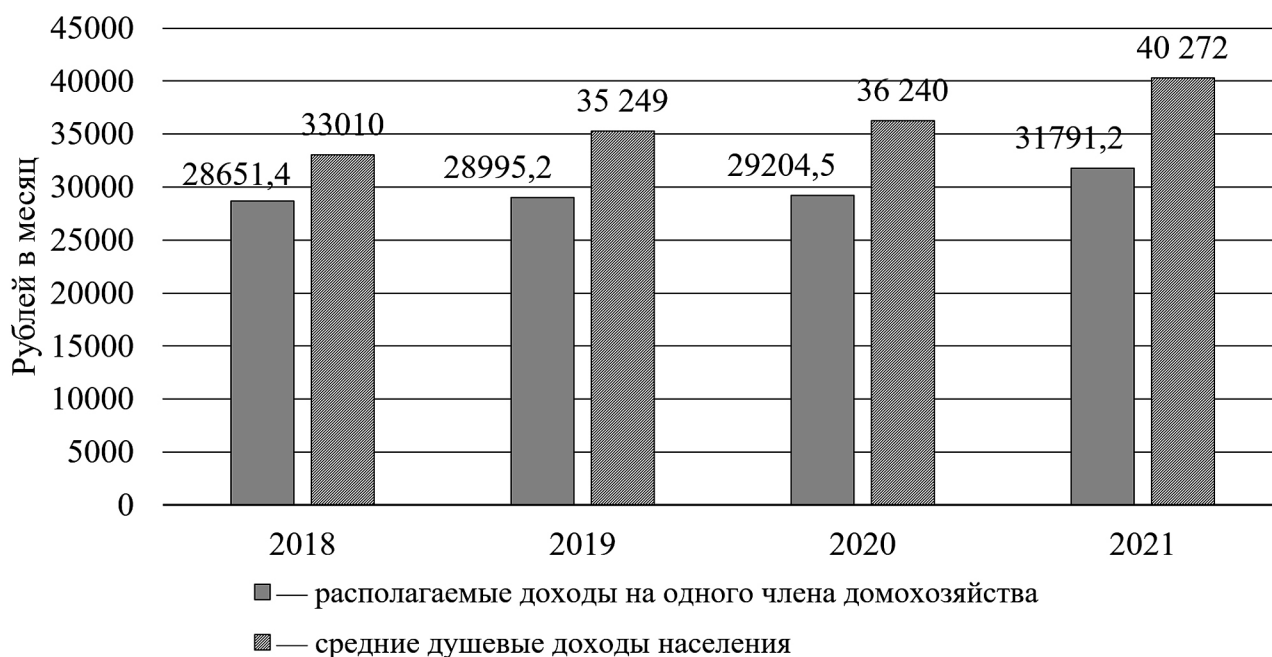

Рис. 4. Динамика среднего на душу населения и располагаемого денежного дохода на одного члена домохозяйства в месяц в 2018—2021 гг. (составлен автором по данным [8])

Сегодня проблема бедности в России сохраняет свою остроту. Показатель доли бедного населения на протяжении последнего десятилетия ежегодно превышает пороговые значения 7—10 %. Более 17 млн россиян сегодня живут за чертой бедности, в стране сохраняется высокая степень неравенства в доходах, межрегиональной дифференциации уровня жизни.

Решение задачи преодоления бедности и укрепления финансовой безопасности домохозяйств лежит как в сфере развития теоретико-методических подходов, так и в области практических мер. Переход к новой модели оценки прожиточного минимума (порога бедности), как показала практика, в целом не привел к его снижению, но вызвал ряд научно-методических вопросов, которые требуют осмысления и дальнейших исследований.

Анализ применяемого методического подхода показывает, что использование однокритериальной модели, основанной только на медианном доходе, порождает возможность падения медианного дохода в периоды спада в экономике и высокой инфляции, а вместе с ним прожиточного минимума и, как следствие, связанного с ним социального пакета.

Для устранения данного парадокса, по нашему мнению, целесообразно перейти к двухкритериальной модели, сохранив в качестве дополнительного индикативного показателя стоимость потребительской корзины. Это позволит в периоды экономического спада не допустить падения установленной черты бедности путем установления порогового значения на уровне не ниже большего из двухкритериальных показателей. Кроме того, сопоставление среднедушевого располагаемого дохода домохозяйства и стоимости потребительской корзины, характеризующей минимально приемлемый монетарный уровень, помимо характеристик риска доходной бедности, позволит получать оценки материальной (экономической) депривации домохозяйства, которые также должны быть учтены при разработке мер социальной поддержки малообеспеченных домохозяйств.

При расчете прожиточного минимума на основе национального медианного дохода, по нашему мнению, целесообразно перейти к пороговому значению не ниже 50 % медианного дохода. При этом базой расчета медианного дохода следует принять, по опыту стран ОЭСР, не среднедушевой номиналь-

ный доход, а располагаемый доход, который более объективно характеризует монетарные возможности членов домохозяйства поддерживать приемлемый уровень жизни.

Подходы к проблемам снижения уровня бедности, укрепления финансовой безопасности домохозяйств, безусловно, не должны быть ограничены только поиском объективных методов монетарной оценки уровня бедности. Хотя это крайне важно. Решение указанных проблем связано с реализацией практических мер, направленных на обеспечение устойчивого роста уровня доходов населения, выравнивания уровня жизни в регионах, сокращения разрыва в денежных доходах бедной и богатой части населения России. Необходима продуманная социальная политика, направленная на кардинальное снижение уровня бедности в стране. Необходим комплекс долгосрочных мер, реализуемый в единой программе устойчивого развития, включающей реальные шаги по переходу от ресурсозависимой экономики к индустриальной.

Библиографический список

1. О потребительской корзине в целом по Российской Федерации: Законопроект № 28059-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/28059-8>.
2. Измерение бедности и социальной интеграции в ЕС: достижения и дальнейшие улучшения. Европейская экономическая комиссия Организации объединенных наций. Рабочий документ 25 от 20 января 2014 г. URL: https://unece.org/WP25_Eurostat_D_Rus_Fina.
3. Казанцев С.В., Колпакова И.А., Лев М.Ю., Соколов М.М. Угрозы развитию экономики современной России: ценовые тренды, санкции, пандемия: монография / под ред. М.Ю. Льва. М.: Первое экономическое издательство, 2021.
4. Корнейчук Б.В. Новая методика расчета прожиточного минимума: проблемы теории и практики // Экономическая политика. 2021. Т. 16, № 6. С. 120—139.
5. Руководство по измерению бедности. Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных Наций, 2017 г. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2018/ECECESSTAT20174_ru.pdf.
6. Сенчагов В.К., Иванов Е.А. Структура механизма современного мониторинга экономической безопасности России. М.: Ин-т экономики РАН, 2015.
7. Слободенюк Е., Аникин В. Где пролегает «черта бедности» в России? // Вопросы экономики. 2018. № 1. С. 104—127.
8. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/>.
9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2022 № 473-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
10. О потребительской корзине в целом по Российской Федерации: Федеральный закон от 03.12.2012 № 227-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
11. Blakely T.A., Kawachi I. What is the difference between controlling for mean versus median income in analyses of income inequality? // Journal of Epidemiology & Community Health. 2001. Vol. 55, № 5. P. 352—353.